

ГЛАВА 1. ОСЕННЕЕ УТРО

Осеннее утро в Красной Поляне. Солнце уже высоко, но никак не может проглянуть сквозь облачную завесу. Последняя так тонка, что превращается в белый матовый плафон над поселком, притихшим по поводу субботнего дня. Какая-то особенная гармония годового цикла, идущего на спад, с мягкой энергетикой утра, поддержанного наступившим бабьим летом. Палящее южное солнце уже, казалось бы, попрощалось, однако вновь решило вернуться, но лучи его теперь светлы и нежгучи.

Сегодня мы идем искать остатки монашеского скита, стоявшего когда-то в верховьях Монашки – небольшой горной речушки в нескольких километрах от поселка. Она, как и все местные речки и ручьи, берет свое начало в альпийской зоне хребта Ачишхо, мягко огибающе-го поселок с северо-запада. Мягко – это по сравнению с противоположной кручей многоглавой Аибги, нависающей неприступной стеной с юга. Туда напрямую не влезешь – только через неблизкий обход по западному склону, поэтому все тропки для дневных прогулок и ведут на гостеприимный Ачишхо.

Про скит я узнал еще несколько лет назад от настоятеля местного храма о. Николая (Снопова), как-то встретившего меня недалеко от поселка на горной дороге в Медовеевку. Глядя на мою походную экипировку, батюшка поинтересовался, не встречалось ли мне во время прогулок по окрестным отрогам что-то вроде

заброшенных могил или построек монахов-отшельников, когда-то, в 20-х годах прошлого века, обитавших в здешних горах. Ничего подобного я не видел, но с той поры по крупичам стал собирать все, что могло касаться этой темы.

К этому дню я много чего уже знал о людях, когда-то живших монахами-пустынниками в верховьях Монашки. В том числе и то, что никаких могил или развалин построек я, скорее всего, не найду. Однако невидимые нити уже привязали душу к этому месту, глаза хотели посмотреть, а все существо – вдохнуть. Вдохнуть тот воздух – сырой или свежий, поймать ощущение покоя или тревоги, понять для себя: что такое это пустынночество – душевный комфорт или тоска и одиночество? Как ни крути, Господь даровал нам свободу выбора, в том числе, где и как жить.

В этот поход я приглашаю и вас, дорогой мой читатель, в надежде, что эти поиски следов невидимого мира давно минувших дней будут интересными и плодотворными, по крайней мере, для нашей души. Пустынничество – явно крайний выбор, полная изоляция от мира, но где этот край на духовной шкале – сверху или снизу, это подвиг или бегство? А сами монахи-пустынники – это кто? Предтечи нынешних дауншифтеров, сходящих с дистанции крысиных бегов по социальной лестнице успеха? Надеюсь, что за время нашего путешествия эти вопросы прояснятся и для меня самого, и для вас.

Выйдя из дому, я быстро пересек улицу Защитников Кавказа – основную транспортную магистраль поселка, и пошел вверх по направлению к его деловому центру. Через полчаса я

должен встретиться на окраине со старожилами этих мест, утверждающими, что им удалось обнаружить поляну, на которой в те далекие годы стоял монашеский скит. В нем, собственно, и происходили удивительные события, описанные в книге В.Д. Пришвиной «Невидимый град».

Книга эта была впервые опубликована в 2003 году, почти четверть века спустя после кончины Валерии Дмитриевны, а написана была в первой половине 60-х, когда подобное еще не публиковали, но за написание уже не ссылали и не расстреливали.

«Невидимый град» – автобиографическое повествование на фоне бурных событий в России первой трети XX века. Автор его принадлежала к проигравшему слою национальной элиты. Победителям же досталось все, в том числе и право интерпретировать историю всей массой новой скороспелой интеллигенции и мощью полиграфической индустрии. Однако Истина – неуловимая сущность, которую не насыпать ни миллионами тонн проката или зерновых, так же, как и не завалить триллионами долларов. Проходит совсем немного исторического времени, и все материальное превращается в шелуху, осыпаящуюся с сакральной духовной вершины, которая вновь поднимается на том же самом месте.

Каждое новое поколение живущих пытается достичь этой вершины, используя то изощренный инженерный ум, то гениальные прозрения собственных мыслителей. По ходу этого процесса люди все время спорят, пытаются разобраться, куда они, собственно, движутся – вверх или вниз, и где находятся сейчас – на пригорке или в сточной канаве. Эта мысль все время тревожила и меня при чтении «Невидимого града» на фоне сегодняшних переживаний. Я испытывал некое дежавю, возникшее от грустного пророчества одного из живших ранее в этих местах

монахов-пустынников: «Поздно строить монастыри!»

Это было сказано и записано в 1915 году В.П. Свенцицким, другим героем этого моего повествования, когда действительно, как мы знаем сегодня, уже было поздно. Так же, как и, возможно, сейчас. Эти два моих героя не были знакомы друг с другом, хотя книга Свенцицкого «Граждане Неба. Мое путешествие к пустынным Кавказских гор» сыграла свою последнюю роль в судьбе Валерии Дмитриевны, тогда еще гимназистки Ляли Лиорко. Это только спустя четверть века, пройдя все египетские казни того периода, в 1940 году она станет женой и последней любовью нашего великого писателя, певца русской природы Михаила Михайловича Пришвина. Она сохранит для нас его философское наследие, которое было надежно сокрыто в рукописных дневниках во времена социализма и которое мы только начинаем открывать.

Единственное, что может оправдать мое сегодняшнее копание в письменном наследии этих выдающихся людей – это положение «идущего по следам», когда уже известно, к чему привели «души прекрасные порывы», опиравшиеся на, как оказалось, трухлявый фундамент голого материализма. В последние сто лет произошло много чего: одни расстреляны, скончались в мучениях на больничных койках или сгнили в лагерях, а другие свершили великие дела, достигли удивительных высот, а ныне замерли отлитые в бронзе на гранитных постаментах. Однако никуда не деться от ощущения векового круга, который прошла страна, вернувшись вновь на похожую историческую развилку. Какое счастье, что некоторые успели оставить нам покаянные тексты, бесстрастные свидетельства или выстраданные воспоминания, тем самым не давая прерваться духовной нити поколений, сплетаемой из бесчисленного сонма уникальных судеб. Это единственное,

что дает некоторую надежду вновь не свернуть в исторический тупик.

За моей спиной остался живописный квартал из относительно новых домов, носящий во всех землеустроительных документах заморское имя – поле Вендербель. Дотошные краеведы расскажут вам, что место это названо по имени Ван-дер-Бейля – врача-немца, длительное время в 20-е годы прошлого века практиковавшего в Красной Поляне. Жил он и принимал пациентов, кстати, на даче, построенной В.К. Константиновым – легендарным строителем дорог, связавших Черноморское побережье с отдаленными горными районами, включая и труднейшую из Адлера в Красную Поляну (тогда урочище Кбааде), которая была завершена в 1898 г.

Дома на поле Вендербель относительно новые, поскольку в начале заселения Красной Поляны после Кавказской войны никто тут строиться не хотел – слишком близко к Мзымте. Холодный воздух от этой горной речки, протекающей по дну глубокого ущелья на южной границе поселка, совсем не способствует плодородию сада-огорода. Вдобавок, еще и солнце из-за нависающего хребта Аибга заглядывает сюда позже всех других мест, а в горах тепло и сухость – настоящая роскошь. При коммунистах на перспективном генплане поселка на поле Вендербель значился «городской парк», а земля десятилетиями раздавалась под огороды сроком на год. Однако в перестроечные времена все пустующие внутри поселка земли быстро пустили в оборот, большей частью для расселения переполненных домишек, где безысходно десятилетиями теснились по несколько поколений семей.

Сегодня на слово «Вендербель» поисковики выдадут вам координаты живописного, собранного из круглых бревен мини-отеля – украшения здешних мест. История формируется из

все новых культурных слоев, а на поверхности остаются одни топонимы – старые названия, как поплавки на леске, связывающие нас с прошлым.

Для меня «Вендербель» – это целая историческая драма второй половины XIX века, начало которой зафиксировано, в частности, в романе И.А. Гончарова «Обрыв». Ставший тогда вдруг модным мужской нигилизм в женском исполнении превратился в движение «эмансипэ», чьими-то усилиями подаваемого как прогресс и общественное благо. На практике же все выливалось в моральное оправдание собственного греха, когда бросались малолетние дети, муж, семья.

Почему я вдруг упоминаю об этом здесь? Потому что в судьбе того же инженера Василия Константиновича Константинова и в судьбе его матери – Е.П. Майковой – эти идеи и события сыграли достаточно драматическую роль. Фактически оставленный «прогрессивной» родиельницей на произвол судьбы, Константинов так и пропал бы голодным малолетним оборвышем в московских трущобах, если бы его не вытащила Е.С. Гаршина – мать известного русского писателя Вс. Гаршина. Замаливая собственный аналогичный грех, она вырастила, выучила, в общем не дала пропасть будущему известному строителю горных дорог, депутату Государственной Думы и любимцу рабочих. После учебы в столице он приедет прокладывать дороги в этих местах вокруг Сочи и станет так же, как и его мать, ярко блистать в гуще местной общественной жизни.

В этом контексте Черноморское побережье Кавказа интересно как место, где разыгрывались заключительные этапы жизни многих подобных героинь. Где еще, как не здесь в то время можно было примкнуть к толстовцам или просто скрыться от глаз людских, начать с чистого листа. На колонизируемой после длительной

борьбы с черкесскими племенами территории все вокруг были приезжие, разноязыкие переселенцы, стремящиеся начать новую жизнь на щедро раздаваемых земельных участках. Некоторым это удавалось.

Впрочем, все это не относится напрямую к нашей теме, кроме того, достаточно известно из разных источников, где существуют и более фантастические версии биографии В.К. Константинова, а нового пока мне нечего добавить. Поэтому не будем здесь углубляться, а пойдем дальше, хотя я обещаю позже к этим именам еще вернуться, поскольку существуют и другие ниточки, связывающие их с Красной Поляной.

Сегодня, после олимпийской реконструкции, хорошо идти по поселку: добротные тротуары из цветной шершавой плитки, мощные водостоки, покрытые стальными решетками, аккуратные одинаковые заборы из тонкого металлического профиля с текстурой «под дерево» – городская инфраструктура, достойная если не европейской столицы, то модного горного курорта в Альпах точно. Все это, однако, контрастирует с весьма своеобразной архитектурой внутри ровненьких кварталов, способной пока еще поведать своим каменным языком историю этих мест. По крайней мере начиная со второй половины XIX, когда здесь, на месте черкесского аула Кбааде, императорским указом было создано солдатское поселение.

Необычность этой истории заметна внимательному наблюдателю по значительному количеству еще сохранившихся приземистых развалюх в центральной части поселка на отличных плоских земельных площадках. Они явно диссонируют с сохранившимися, когда-то роскошными двухэтажными дачами, с неизменными широкими деревянными лоджиями под щеголеватыми коньками крыш. Последние почему-то жмутся по окраинам, выглядывают из-за складок местности или громоздятся каким-ли-

бо своим углом на крутом горном склоне.

Дело тут в очередности заселения Поляны, которая может быть описана как последовательность нескольких основных волн. Спустя несколько лет после Высочайшего указа о создании солдатского поселения (через четыре года после благодарственного молебна по случаю окончания Кавказской войны в этом месте 21 мая 1864 года) сюда пришли греки, покинув в поисках лучшей доли беспокойную Ставропольскую губернию и перевалив через Главный Кавказский хребет. Они-то и составили основной костяк первопоселенцев, построили церковь, школу и приготовились жить долго и счастливо в этом целованном и хорошо укрытом Богом месте, куда не было дорог. Первые семьи разобрали себе для прокорма по гектару плодородной, начавшей уже было зарастать лесом плоскости, открытой солнцу между горными хребтами, и повели натуральное хозяйство. Их дети, родившиеся здесь, не знали колеса, правда, недолго.

Уже через три десятка лет, в самом конце столетия, была построена дорога Адлер – Кбааде, через которую хлынули новые волны поселенцев. От беглецов с дальних окраин Российской империи, искавших свободные земли, до сиятельных вельмож, царских градоначальников и именитых артистов, мечтавших об уютной вилле в Русской Швейцарии. Именно после них остались по окраинам поселка (где еще была свободная земля, раздаваемая под дачи) эти изящные архитектурные следы. Вроде «Чайки» – так местные жители называют бывшую дачу полковника медицинской службы Чайковского, сохранившуюся до наших дней.

Таким образом почти состоялся этот причудливый город-курорт Романовск, расположенный вокруг греческой общины, со своими разными уставами и непохожими образами жизни. Однако наметившимся противоречиям

не суждено было разрастись, поскольку грянувшая революция привела всех к одному знаменателю. Тем не менее и поныне в этом изначальноном эклектичном сочетании «местных» греков с разного рода новыми «пришлыми» есть неповторимое своеобразие поселка.

Читатель, видимо, уже смущен этой внезапной исторической остановкой после быстрого начала поиска монашеского скита, однако в этом есть необходимая сторона похода по следам невидимого. Малоприметные вешки на местности обозначают воронки времени, куда стягивается пространство, открывая иную реальность. В этой реальности ты можешь оказаться рядом с храмом Николы Чудотворца на Ильинке в Москве сразу после революции или в камере тюрьмы НКВД в Ростове-на-Дону в 30-м году прошлого века, а то и в брезентовой палатке – трясешься от страха, слушая рядом рык леопарда, вон за тем хребтом, но уже накануне войны. Таким и будет наш поход – пройдем с десяток километров от одной воронки времени до другой, находя их по приметам, заботливо оставленным для нас в книгах, хотя иногда нам удастся кое-что потрогать руками или даже попробовать на вкус.

Положа руку на сердце, следует сказать, что именно после революции начался период интенсивного использования курортных прелестей этих мест. Вдобавок к солидному дому Крымско-Кавказского горного клуба с его балаганом из дранки на вершине хребта Ачишхо, большевики быстро переоборудовали под турбазы бывшую дачу известного певца Собинова, несколько лет пустовавшую под сенью сохранившихся до сих пор вековых пихт. Другие крупные дачи также распределили под коммуналки или лечебные пансионаты. В плановом порядке из крупных санаториев на побережье потянулись автобусы с желающими провести пару-тройку дней в горах.

На упомянутой турбазе, шаблонно названной «Горный воздух», были штатные экскурсоводы, методисты и инструкторы, успешно превратившие аристократический отдых в горах в общее достояние «трудящихся-энтузиастов». На этой турбазе проработал несколько сезонов в те далекие предвоенные годы Юрий Константинович Ефремов, чья книга «Тропами горного Черноморья» выйдет только в середине 60-х годов и станет, как сейчас привыкли говорить, бестселлером, а тогда – культовой книгой горных туристов СССР.

Тут я забежал вперед, до вешки Ефремова мы еще не дошли, мы пока идем по центру поселка, где уже все попеременно – неказистые развалюхи, стыдливо прикрытые казенным забором, и современные в несколько этажей дома в стиле шале – с каменным цоколем, шалеванные деревом, с большими крышными свесами. Те, что на несколько владельцев, хорошо рассматривать сквозь прозрачные легкие ворота, зато индивидуальные, как правило, за сплошным каменным забором выше человеческого роста. Такой стиль сами архитекторы в шутку называют «дворец людоеда» за скрывающие красоту ограды, за непременно решетки на окнах и видеокамеры по периметру. Жалко мне их хозяев, еще Сенюшка говорил про богатство, которое прячешь от страха потерять, – считай, что его и нет у тебя.

В этих богатых частных домах чаще всего никого нет, как и сто лет назад. Хозяева все занятые, приезжают ненадолго, так что обитают там больше охранники, строители или садовники, регулярно стригущие газоны, на которые и полюбоваться некому. Правда, в последние пару лет ситуация меняется: то ли хозяева перебираются жить сюда навсегда, распробовав окружающую красоту и покой, то ли сдают дома под рабочие общежития или пансионаты, устав оплачивать содержание этой пустующей красоты.

Прохожу через деловой центр Поляны, где

не протолкнуться от машин. Более двадцати лет назад, в начале 90-х, тут открылось первое частное кафе, поначалу работавшее только вечером – приезжих мало, а местные привыкли есть дома. Позже в поселок стала два раза в неделю приходить автолавка со свежим мясом – невиданная роскошь для местных жителей, привыкших к сомнительной заморозке в паре захудалых магазинчиков. Даже не верится, что все это было совсем недавно, вплоть до открытия тоннеля через Скальный участок в 2005 году.

В последние годы на этом перекрестке, как грибы после дождя, быстро повывезали трехэтажные дома с массой магазинов, парикмахерских, мастерских и кафе. Однако улица шире не стала, и образовавшаяся хроническая пробка сегодня закупоривает дальнейшее развитие этого делового пятачка, выплескивая новые, шикарные для этих мест магазины в относительно свободные места в других частях поселка. Остро чувствуется потребность в городской площади, которую как-то забыли создать предшествующие поколения – плоскости в горах большой дефицит.

Поднимаюсь всего на один квартал вверх по улице Заповедной, где за ажурной металлической оградой просторно расположился изящный храм в честь Священномученика Харлампия. Кто-то из состоятельных жителей поселка выкупает освобождающиеся рядом земельные участки, разбивая там парк и не давая новодамам заслонить вид на эту в византийском стиле красоту.

Сегодня церковь, безусловно, центр духовной жизни поселка. На утренней службе по воскресеньям не протолкнуться от местных и приезжих. Разговоров почти нет – одни совсем не знакомы друг с другом, другие, напротив, знакомы очень хорошо, однако это не мешает православным душам передохнуть от ежедневной суеты в озабоченных непреступных масках. Нет

в России другого такого места, как храм, где ты примиришься с миром, любишь выражением окружающих лиц, купаешься в давно забытых радостных эмоциях совместного деланья.

Как-то незаметно получилось, что этот храм стал основным координатором моих краеведческих занятий: здесь завязываются новые знакомства, здесь обнаруживаются ниточки, связующие прежде изолированные события, здесь настоятель благословляет на поиски, сюда спешу я первым делом по приезду.

Книжная лавка и библиотека расположены прямо в боковом приделе основного зала здания церкви, и, по сложившейся традиции, здесь нет постоянного дежурного продавца. Можно запросто просматривать запасники, листать новые поступления, а при желании что-то взять почитать или купить, расплатившись на выходе. В храмах больших городов совсем не так, все за витринами с маленькими окошками – слишком много случайных незнакомых людей. К окошкам постоянная очередь за свечами и с поминальными записочками, так что совестно отвлекать продавца долгим листанием книг. Лучше приходить, когда службы нет.

Здесь, в Полянском храме, несколько лет назад объявилась монахиня из Москвы, матушка Варвара (Вилисова), занимающаяся подготовкой документов к канонизации как новомучеников монахов кавказских пустынников, часто называемых еще отшельниками и исповедниками. Она и привезла для церковной библиотеки несколько экземпляров уже упоминавшейся книги «Невидимый град». От этой книги потянулся след ко многим другим именам гостивших в Красной Поляне, в том числе, к представителям первого ряда русской культуры Серебряного века – главе поэтов-символистов Вяч. Иванову, надежде русской религиозной философии В.Ф. Эрну, поэту, литературному критику и «духовнику» А. Ахматовой Н.В. Недоброво.

Поиск причин, приведших этих известнейших людей своего времени в этот далекий горный поселок, где не было ни гостиниц, ни ресторанов, куда все путеводители настоятельно рекомендовали ехать со своей прислугой и поварами, открыл мне целый пласт российской истории – религиозное мистическое движение имяславцев. Этот любопытнейший и глубочайший феномен русской духовной жизни начался с публикации в 1907 году книги монаха Илариона (Домрачева) «На горах Кавказа». Уже через несколько лет она явится яблоком раздора и приведет драматическим событиям в русских монастырях на Афоне, закончившимися принудительной высылкой имяславцев на родину. Часть из них расселится в здешних местах по Кавказским горам, куда и устремятся философы и литераторы в поисках многообещающего синтеза молитвенных практик и творческого труда.

Позже, спустя всего несколько лет, будут написаны блестящие ученые трактаты о философии имени, о диалектике символа, о языке как способе изучения общественного сознания. К сожалению, трагический взрыв российской истории в 1917 году надолго похоронил под своими обломками эти выдающиеся достижения русских мыслителей. Хочется надеяться, что не навсегда.

Сегодня многим уже кажется не столь утопичной правота той небольшой горстки русских религиозных философов, «взыскавших града» – Божественного идеала духовно-нравственной общественной атмосферы. Однако тогда, в далеком 1904 году, накануне катастрофического периода Российской истории, этот волнующий манифест, составленный В.П. Свенцицким и В.Ф. Эрном, оставил большинство соотечественников равнодушными. Основная часть интеллигенции и пассионариев из рабочих увлеклась добыванием политических

и экономических свобод, причем методами марксистско-ленинскими, весьма далекими от христианских. Неутешительные вековые итоги тогдашнего выбора дают нам сегодня основания присмотреться внимательней – о чем же они говорили, какого града искали.

Мои попытки человека, весьма далекого от гуманитарных дисциплин, переварить весь этот материал в процессе краеведческих занятий, привели в конце концов к водружению на почетное место в зале представительства Русского географического общества (РГО) в Красной Поляне известной картины М.В. Нестерова «Философы». На ней изображены русские философы о. Павел Александрович Флоренский и Сергей Николаевич Булгаков. Профессионально разбираться в философии я, конечно, не стал, однако вершины эти увидел, поскольку все равно, какой тропинкой ты идешь в гору – вверху они все сходятся. Более того, именно они четко обозначили ту развилку, которую даже не прошла – пролетела Россия сто лет назад, соблазнившись, казалось, быстрыми и простыми решениями накопившихся проблем.

Каково же было мое удивление, когда недавно я познакомился с той самой монахиней, привезшей книгу «Невидимый град» в наш храм, – матушкой Варварой (Вилисовой). Оказалось, что она проработала искусствоведом в Третьяковской галерее более двадцати лет, причем специализировалась именно на творчестве М.В. Нестерова... И это только одно звено в длинной цепи мистических совпадений, совершенно случайных встреч и даже удивительных открытий, которые мне пришлось пережить, исследуя, как казалось в начале, неглубокую историю здешних мест. От таких совпадений я, конечно, воодушевился и увидел во всем этом Божий Промысел, как поручение эту историю Красной Поляны рассказать.

Как уже наверняка догадался проникатель-

ный читатель, следы этих, некогда живших в здешних горах монахов мы и идем сегодня искать. Мы – это ваш покорный слуга и Петр Васильевич Поляков, мой проводник, старожил этих мест и большой любитель исследовать отдаленные уголки окрестности Красной Поляны. Выхожу на окраину поселка – Нижнюю Кулаковку, где уже кончается относительно плоская долина, а человеческое жилье все больше стягивается в одну линию по склону вдоль грунтовой дороги.

Издали вижу высокую фигуру Петра Васильевича, а рядом, видимо вышедшего нас проводить, – Александра Борисовича Соколова. Александр Борисович – наш церковный староста, именно он нашел мне проводника, однако сам сегодня пойти с нами не сможет – занят пересаживанием пчел в новые ульи. Договариваемся обязательно заглянуть к Борисычу на обратном пути, рассказать, что нашли, и отвезти его замечательного иван-чая с добавками черничного и дикой груши листов. Конечно, с медком, настоящим, Полянским, из ароматного хоровода местных цветов под предводительством каштана.

ГЛАВА 2. У СТЕН НЕВИДИМОГО ГРАДА. В ПОИСКАХ МОНАШЕСКОГО СКИТА

Уже два часа петляя по лесному склону, мы поднимаемся все выше по хребтику, восходящему к горному массиву Ачишхо. Тропинок никаких нет, но есть старые полузаросшие волоки, по которым в 60-е годы прошлого века стаскивали вниз стволы деревьев при лесозаготовках. Масштабы хозяйственной деятельности, видимо, были весьма внушительными, поскольку

волоки проделали глубокие канавы до скального грунта, напрочь уничтожив почвенный слой. Сколько лет прошло, а они так и остаются мшисто-голыми желобами под сомкнувшимися кронами светлых буков, кряжистых дубов и царственных каштанов. Кое-где волоки присыпаны старой листвой, но в целом здорово облегчают путь.

Становится совсем тепло, на ходу снимаю свитер и перекидываю его в рюкзак, стараясь не отстать от высокого Петра Васильевича, мерно нарезающего путь своими ногами-ножницами в коротких резиновых сапогах. Внутренний голос начинает поскуливать и просить меня напомнить:

– Зачем мы лезем в гору? Все равно ничего не найдем! Во влажных лесистых горах жучки за несколько лет уничтожают любые деревянные постройки. Пожалуйста, вспомни что-либо такое, вызывающее прилив энергии и бодрости, стирающее тоскливо-привычный образ бессмысленной ходьбы по дорожке в фитнесе.

Вопрос не простой. Действительно, с тех далеких событий прошло почти сто лет. В Кавказских горах с конца XIX века жили несколько сотен монахов-пустынников, однако мы ищем вполне конкретного, того, кто прожил несколько лет неподалеку от Красной Поляны в скиту о. Даниила в верховьях Монашки, – Олега Поля. Этот молодой человек поселился вдали от людей в далеком 1924 году, чтобы ничто не отвлекало его от главного дела жизни – написания философского труда «Остров Достоверности», предназначенного указать путь к решению наиболее проблем российского общества и тем самым, возможно, избавить и все человечество от бед.

Свой философский труд он написал, принял монашеский постриг, а позже стал иеромонахом – отцом Онисимом. Однако по иронии судьбы и вопреки сомнительному «рукописи не

горят», остался в памяти потомков в большей мере благодаря драматическим разломам своей короткой и трагической жизни, до краев заполненным любовью и слезами простой девушки – Валерии Лиорко. Волнующая переписка этих двух обожженных революционными потрясениями сердец, уникальная по своей глубине и накалу, сравнительно недавно заняла свое достойное место в русской литературе (В.Д. Пришвина, Невидимый град, 2003 г.).

Как следовало из текста воспоминаний, от «Острова Достоверности» сохранились лишь черновой вариант трех из четырех глав первой философской части, нецененной и неизданной полностью до сих пор. О других работах, посвященных экономическим проблемам организации русской хозяйственной жизни, нам остался лишь скупой отчет следователя ОГПУ, к которому мы еще вернемся.

Вторая, внешне более спокойная часть жизни Валерии Дмитриевны начнется в 1940 году, после того как она, пройдя ссылку в северные края и добровольно-принудительный труд на строительстве канала Москва – Волга, станет литературным секретарем, женой и другом большого русского и советского писателя Михаила Михайловича Пришвина. Не припомню другой такой истории, когда творческое взаимодействие двух литературно-одаренных сердец принесло бы такие плоды.

С высоты сегодняшних дней очевидно, что Валерия Дмитриевна нашла свое истинное предназначение – быть для любимых мужчин-писателей источником вдохновения, делать их взгляд объемным, а понимание глубоким, соединять упорство со смирением и наделять смыслами самые безысходные ситуации.

По завещанию Михаила Михайловича, Валерия Дмитриевна напишет «Невидимый град» (закончен в 1962 г.) – автобиографические воспоминания о днях своей молодости. И при этом

снабдит их таким количеством комментариев Пришвина, которые сами по себе откроют для нас новую фигуру Пришвина-философа. С учетом этого особо весомо звучат для нас его слова об Олеге Поле как о человеке, «...рубашку которого я недостойн носить». Это, конечно, сказано не о литературном наследии О. Поля, от которого сохранились только письма и фрагменты рукописей, а о судьбе-подвиге уже иеромонаха Онисима.

Эта судьба, собственно, и есть главное символическое послание к нам о. Онисима, что, возможно, важнее всяких текстов, хотя и они, безусловно, интересны. Интересны прежде всего незамутненностью источника, из которого проистекают, поскольку, в силу ряда причин, его короткий жизненный путь – есть прямая дорога общественного служения через восхождение к Богу. Сам по себе феномен соединения в одной личности русского религиозно-философского мировоззрения с добровольной аскезой монаха-пустынника – настоящая редкость для большинства деятелей Серебряного века русской литературы и Золотого – русской философии.

Выход книги в свет состоялся в 2003 году, спустя сорок долгих лет после написания.

Это смогло произойти, конечно же, только после того, как наша страна (по образному выражению В.Я. Курбатова, написавшего предисловие к «Невидимому граду») окончательно переболела богоборческой ересью. Только после неудачной и крайне болезненной попытки построить справедливое государство, хотя и объединенное идеей справедливости и философией общего дела, но более скрепленное страхом, чем любовью. Более того, должно было пройти еще двадцать лет, чтобы многие осознали невозможность копирования чужого социального устройства, чуждых ценностей и идеалов. Глобальные тренды включают многолетние циклы.

И на этот раз потребовалось сто лет, чтобы мы, оглядываясь назад, стали пристально вглядываться в развилку, которую прошли как-то не так...

Собственно, этот взгляд на события столетней давности и является основным содержанием этого моего текста, формат которого я обозначил словом «эссе» в малодушной надежде иметь право на многозначность, фрагментарность и выборочную группировку тем и событий. В частности, я намеренно отказался от пересказа и комментария большей части всего того, что в книге «Невидимый град» относится к жанру любовной переписки. Эта часть мемуаров, несомненно, самая значимая, удивительная по своему внутреннему накалу и по неизгладимости эмоционального впечатления. После прочтения ходишь несколько дней погруженным в другую реальность, где все мысли о духовной стороне бытия, где естественна бытовая аскеза, а сам русский язык купается в христианских образах и фразах, как в чем-то исконном, первородном.

На мой взгляд, сам сюжет, когда Он принимает монашеский постриг для подвижнического общественного служения, ища в священных и философских текстах защиты от разгорающегося в сердцах обоих любовного пламени, а Она поддерживает его во всем, не находя для себя в силу превратностей бытия места рядом, является уникальным. Этот сюжет вечен так же, как история Анны Карениной или Ромео и Джульетты, и уже этой своею вечностью выходит за рамки моего, большей частью краеведческого, повествования. Уверен, что он найдет своих писателей или сценаристов, тем более что все диалоги уже написаны превосходным эпистолярным языком самими участниками.

...Лес становится прозрачнее – чем выше в горы, тем холоднее и тем отчетливей следы наступающего листопада. Волоки постепенно за-

полняются желто-коричневой гаммой листьев каштана, чьи фонтанчики всхлипывают под шагами моего спутника. Петр Васильевич по воскресениям поет приятным тенором в хоре нашего храма, и, когда хор спускается с клироса, окружая батюшку во время поминальной литии, особенно хорошо слышен его уверенный, правильно интонирующий голос. Оно и не удивительно: Петр Васильевич много лет проработал в Поляне директором детской музыкальной школы. Вспоминая об этом, он обычно морщится, давая понять, что функции администратора сильно отравляли его погружение в музыку, и какое счастье, что наконец-то сбежал на пенсию от своего директорства.

Вообще, ментальное несоответствие руководителей и занимаемых ими должностей было приятным, на мой взгляд, феноменом старой Красной Поляны. Слишком небольшое население, мало тех, кто выучился и вернулся – все это порождало случайно-вынужденных начальников без барского окрика, без сановного вида, скорее похожих на дежурных по поселку. Руководителями становились по людской просьбе-приказу, а не по личной жажде доминирования, что редко случается в городской толчее-суете.

Иду след в след по четкой борозде, оставляемой Петром Васильевичем, стараюсь не спрашивать, далеко ли еще? Да и чего спрашивать, на то оно и пустынножительство, чтобы не бегать в поселок каждый день то за солью, то за спичками. Отец Даниил, который был старшим в этом скиту святителя Николая, лишь дважды спускался в поселок, да и то, чтобы раздобыть молока для кошки, приблудившейся к ним рожать.

Ну что ж, пока дорога вьется, расскажу вам, дорогой читатель, кое-что из ставшего мне известным про живших здесь отшельниками почти сто лет назад. В основном, конечно, по книге

воспоминаний Валерии Дмитриевны, а также по другим источникам.

КАЛЕРИЯ, ИМЯ ТЯЖЕЛОЕ ДЛЯ ЖИЗНИ...

Калерией Валерию Дмитриевну нарекли родители по святцам, однако в своих воспоминаниях она больше называет себя Ляля, возможно, чтобы читатели не путались по тексту в обширных цитатах из писем близких людей, а возможно, что сама считала его именем тяжелым для жизни. Ученые деловито, мудрецы бесстрастно, а старцы с глубокой печалью указывают, что та высокая планка, до которой только и сможет достать дух человека, во многом зависит от глубины бездны, в которую ему пришлось заглянуть. Бездна открылась 18-летней Валерии в день, когда расстреляли горячо любимого отца, честного и благородного человека, вся вина которого состояла в наличии офицерского звания и службы в царской армии.

Дмитрия Михайловича Лиорко в июле 1918-го в Москве вызвали по повестке «для переписи», заключили под стражу в Таганскую тюрьму, а тут как раз подоспело начало «красного террора» в связи с покушением эсерки Ф. Каплан на В. Ленина. Через месяц отец Валерии был расстрелян вместе с тысячами других, таких же бедолаг, не подавших на юг в Белую армию, не чувствовавших за собой личной вины за прорванное революцией российское море гнева и слез. Он просто стремился выжить, пройдя все тяготы окопной жизни Первой мировой войны, приспособиться к новой жизни. Работал рядовым служащим в Статистическом управлении, радовался скромному, но мирному быту с любимой женой и дочерью, однако под общую раздачу все равно попал.

Когда страна переживает глубокие мета-

морфозы, люди редко гибнут по персональной вине. Революционеры или контрреволюционеры гонят народ для жертвоприношений молоху по обобщенным признакам: по цвету кожи, по языку, по окончанию фамилии, по графе в паспорте, по разрезу глаз, по району проживания, по одежде, по выправке – по любому очевидному признаку, отграничивающему хотя бы приблизительно, но быстро и дешево, виновного или опасного «чужого» от близкого «своего». Больше всех достается самым достойным, людям чести и принципов, не разбегающимся по щелям от страха, привыкшим отвечать за себя и за других.

В такие бурные периоды истории обществу организму, видимо, необходимо найти эти признаки своих-чужих для замены у себя целого органа или функциональной системы – иногда сбрасывается хвост, как у ящерицы, а у социума часто меняется и голова (особенно когда защемили хвост). Не меняется только сердце. Если раскалывается сердце, народ умирает, остается только этнографический материал, населяющий территорию. Сколько мы видим таких следов прежних народов, заметных ветром истории. Остается только понять, что есть сердце в нашем русском общественном организме, но об этом – в последующих главах.

Прошу прощения у читателя за подобные отвлечения, но все герои этого моего повествования страстно искали универсальный контекст происходящего с ними и со страной. Однако осмысливание подобных глобальных трендов занимает годы и столетия, причем все последующие поколения выставляют свои, далеко не тождественные оценки происшедшего. Я, конечно, также вольно или невольно буду пытаться отыскать этот самый контекст, уповая на прошедшее расстояние в сотню лет, с которого, якобы лучше видно.

Смерть отца отделила жизнь нашей героини

от розового беззаботного детства, в черно-серую юность, лишённую ожидаемого романтизма, наполненную борьбой за существование со слегшей от туберкулеза больной матерью на руках. Господь повел ее совсем другими тропками, смысл и значение которых можно понять, только обозревая полностью весь ее жизненный путь. Валерии пришлось бросить учебу на филологическом факультете Московского университета и пойти работать служащей в административный отдел Моссовета. Внутреннюю потребность в образовании удавалось заполнить посещением вечерних занятий в Институте слова и в Вольной академии духовной культуры. Там под ширмой освоения ораторского мастерства еще можно было учиться у такого выдающегося русского философа как И.А. Ильин, прослушать курс истории религии Н.А. Бердяева, познакомиться с молодым преподавателем А.Ф. Лосевым. И.А. Ильин даже пытался оставить ее своей преемницей на кафедре, однако в 1922 году пароход для философов уже был подан к причалу.

С работой у Валерии также не ладилось. Закрыли ее детище – «Школу радости», где она отогревала музыкой и литературой опаленных революцией и Гражданской войной десятки разновозрастных беспризорников. Сначала переименовали в «Школу бодрости», а затем после детского бунта против очередного проверяющего, срывавшего с детей нательные крестики и иконки со стен, закрыли и ее. Таскали по комиссиям, занимавшимся чистками и поисками контрреволюционеров, чудом не расстреляли.

Сегодня, спустя сто лет, бесстрастный рациональный исследователь прежних времен скажет, что так и надо было, что страна готовилась к мощному напряжению производительных сил. Ей нужны были новые герои – энтузиасты, готовые терпеть бытовые невзгоды ради великих свершений, способные днем ставить тру-

довые рекорды, а по вечерам получать образование. Конечно, большая часть этого «бодрого» поколения 20 – 30-х годов рекрутировалась из прежде низших слоев населения, для которых революция предоставила невиданные прежде социальные лифты. Уже некому было думать и предостерегать, что этих новых не защитит традиция, не уберегут авторитеты, а новые кумиры заведут в тупик.

И это тоже правда, как и то, что перед «бывшими» во весь рост вставала труднейшая духовная задача – не озлобиться, простить, найти свое место в новых реалиях, достойно принять все, уготованное судьбой, набираться «бодрости» вместо ожидания «радости» и, тем самым, слиться со страной. Многим это удалось. Об этом, собственно, вся эта книжка – как по-разному, но достойно решали герои рассматриваемых литературных произведений свою главную жизненную задачу.

Когда на долю человека выпадает столько трагедий, сколько хватило бы с лихвой на несколько драматических судеб, его психика, чтобы не взорваться, обязательно должна найти выход, а душа обрести некий смысл в происходящем. Отцы церкви говорят, что Бог никогда не посылает человеку больше испытаний, чем он в силах вынести. Как сказал когда-то один из них: «Зачем Господу грузить и испытывать слабого, он и так еле держится. Ему нужны сильные, закаленные в страдании, а замысел Его в происходящем ты отыщешь сам, позже».

В 1922 г. Валерия стала общаться с известным религиозно-философским деятелем М.А. Новоселовым, на квартире которого часто собиралась православная молодежь. По его совету она съездила в Зосимову пустынь к старцу иеросхимонаху о. Алексию Соловьеву, благословившему ее иконой св. Иоанна Предтечи на аскетическую жизнь. С того времени она все глубже погружается в церковную жизнь, вступает в братство

о. Романа Медведя при храме Святителя Алексия в Глинищевском переулке.

Из воспоминаний Валерии Дмитриевны: «По требованию о. Романа я писала дневник. Все развлечения, светские книги, искусство, знакомства – все отпало, потому что перестало привлекать и казалось убогим... Церковное искусство открывалось мне по мере вхождения в храмовое богослужение, посещение храма стало моим единственным «развлечением». Я поняла, что лучшие образы светского искусства отсюда. В богослужбных и библейских текстах поражали обьемность художественных образов, смелость противопоставлений, богатство ассоциаций, иными словами – глубина поэзии... Так проходило время. Серое ситцевое платье. Никаких украшений. Строгий пост. Раннее вставанье: в 6 утра начинается обедня, а оттуда прямо в Центросоюз. Вечером со службы прямо в церковь либо домой, где собираются друзья для совместного изучения какой-либо книги... Зимой 1923/24 года в наш подвал приходили Иван Васильевич Попов, которого мы нашли по завету Ильина в Троице-Сергиеве. Великий знаток староотеческой литературы – патристики, курс которой он нам и прочел, и скромнейший человек; впоследствии погиб в лагерьях».

Шло время, Валерия расцветала, за ней уже постоянно следовал мужской хоровод в надежде, что она выберет достойного. Такова традиция, так делают все – сыновья ищут похожую на мать, а дочери на отца – даже если отрицают это вслух. Однако внезапная, преждевременная смерть близкого человека сильно все меняет, и дело здесь не только в том, что жалко, что мог бы еще жить да радоваться, и не в том, что «как же мы будем без тебя!». Одно из самых тяжелых последствий подобной утраты – это глубинное, подсознательное научение риску возможной расплаты за любовь: чем больше любишь, чем сильнее привязан, тем глубже бездна горя открывается.

В такой ситуации каждый остается один на развилке. Один может принять решение никогда так больше не страдать. Тогда слезы высохнут, душа свернется в комок и закапсулируется, а реакцию будут вызывать только физиологические стимулы. Другой же решит, что будет любить, несмотря на возможную потерю, расширит круг тех, о ком необходимо заботиться, научится отдавать, не требуя ничего взамен. Тогда, возможно, Господь наполнит его благодарью – единственным бальзамом на подобную незаживающую рану, а душа его поднимется в такую высь, где смерти нет.

Однако оказывается, что и на этой развилке можно заблудиться, особенно, если общественное сознание забито разного рода теориями, разновидностями духовного блуда, на которые так щедрны смутные времена. В предреволюционной России, внутренне отпавшей от веры и сохранившей только живописную религиозную обрядность, не было недостатка в таких свободных экспериментах с традицией. Одни, «высокодуховные», публично жили втроем, выдумывая «третий завет», другие предавались хлыстовским оргиям, а третьи искали спасения в вегетарианстве или примитивной общине. Надо отметить, что вся философия, разработанная человечеством за предыдущие три тысячи лет, не смогла им помочь, подтвердив убожество отвлеченных построений, не способных выручить в трудную минуту на развилке судьбы. Более того, сформировавшиеся в ее недрах схоластические представления раскололи сознание человека на душу и тело, на высокое и низкое, и противопоставили одно другому. Должен сделать это замечание, поскольку в наше время трудно найти мотивы и как-то объяснить все то, что будет происходить с героями «Невидимого града» дальше. ■

(Продолжение следует)